

Н. О. АННЕНСКІЙ.

Николай Федорович Анненскій былъ личною интересной, чрезвычайно популярной и любимой въ широкихъ литературныхъ и общественныхъ кругахъ, почему и смерть его вызвала у многихъ чувство горя и глубокаго сожалѣнія. Въ его лицѣ многія общественныя организаціи потеряли безсмѣннаго предсѣдателя общихъ собраній, оратора, умѣвшаго сглаживать возникавшія на этихъ собраніяхъ рѣзкости, шероховатости, точно и умѣло формулировать выносимыя резолюціи и вливать въ присутствующихъ поднятое настроеніе и бодрость духа.

Всегда веселый, жизнерадостный, пріятливый, онъ умѣлъ объединять около себя широкіе литературные круги и, какъ общественный дѣятель большаго авторитета, основательныхъ научныхъ познаній и глубокаго китейскаго опыта, Анненскій являлся тѣмъ центромъ, вокругъ котораго всегда кипѣла жизнь, переливаясь пріхотливыми отцвѣтами, съ ихъ разнообразными и реально поставленными вопросами насущнаго дня. Будучи виднымъ представителемъ лѣвой и радикальной фракціи нашей общественности, онъ, благодаря выѣдренной въ него природою широкой гуманности, добротѣ и мягкости характера, не отличался, однако, сектантской непримиримостью, подобно большинству представителей этой фракціи, и всегда находилъ въ себѣ достаточно умѣнья, чтобы отдать должное противнику по взглядамъ, если только усматривалъ въ немъ запасъ принципиальности и проявленіе искренности. Отсюда его популярность и авторитетность. Вся его жизнь отъ молодого сознательнаго возраста до послѣдняго вздоха была собственно благоговѣнное отправленіе революціонной литургіи, которую онъ открыто правилъ, неся изъ этого служенія все вытекавшія отсюда радости и горести. Его жизнеописаніе самымъ тѣснымъ образомъ переплетается со всеми явленіями оппозиціоннаго порядка, которыми полна

отечественная жизнь за последние полвека. В литературе пока слабо освещены практически выступления Анненского на тернистом пути революционной деятельности. Поскольку он был лично известен автору настоящей статьи, поскольку знакома литература о нем и его собственное «легальное» писательство, он рисуется скорее человеком културного служения русскому обществу, конечно, определенной марки, служения, имевшего непосредственной задачей благо народное, поскольку он мог здесь что-нибудь сделать своим литературным пером, своей деятельностью в роли выдающегося статистика и председателя и члена общественных организаций, имевших предметом своих дебатов и суждений интересы народных масс. Отсюда преобладание в интересе ознакомления с его жизнеописанием того исторического фона, на котором вырисовывается его личность и та среда, которой он был видным представителем и которая всегда выдвигала его в передние ряды и на главенствующее место в моменты, когда эта среда заявляла себя практической деятельностью и считала долгом подать свой голос по вопросам политического и общественного дня.

Как свидетельствует энциклопедический словарь Эфрона и Брокгауза (новое издание), Николай Федорович Анненский родился в 1843 году. Учился он в сибирском кадетском корпусе; позднее сдал экзамены при петербургском университете на кандидата прав и при киевском университете на кандидата историко-филологических наук. С 1867 года по 1873 год служил в государственном контроле при Татаринове, с 1873 года по 1880 год в статистическом отделении министерства путей сообщения; в 1876 и 1877 годах участвовал на статистических съездах в Пеште и Риме. В 1880 году был послан в Тару (Тобольской губернии). С 1883 по 1887 гг. руководил статистическими работами казанского губернского земства; с 1887 по 1895 гг. заведывал статистическим отделением нижегородского губернского земства. В Казанской губернии в 1883 году им была устроена экспедиция для исследования местности, особенно пострадавших от неурожая; затем было произведено оцночное исследование четырех уездов. В Нижегородской губернии Анненскому удалось довести постановку статистических работ до высокого уровня и исполнить местное исследование всех уездов губернии, причем для оцночных целей в значительной степени была использована подворная перепись. Анненскому в наиболее полной мере удалось соединить так называемое московский и черниговский типы земской статистики. В оцночных работах особенно выдавались детальный учет землевладения и тщательное определение урожайности, в связи с почвами и удобрием. Успеху вторичного почвенного исследования помогла дружная совместная работа Анненского и выдающегося почвовода Н. М. Сиби-

цева. Нижегородское бюро было при Анненском настоящим школой земской статистики. В Нижнем же, по поручению Л. И. Грасса, Анненский (совместно с Н. М. Кисляковым) разработал громадный урожайный материал, собранный Грассом для книги «Страхование посевов» (1892). Для нижегородской интеллигенции Анненский, вместе с В. Г. Короленьком, служил объединяющим просветительным центром. В 1895 году Анненский переехал в Петербург. С 1896 по 1900 годы заведывал статистическим отделом петербургской городской управы. В 1901 году должен был выехать из Петербурга в Финляндию; в 1902 году возвратился, но в 1904 году опять был принужден покинуть Петербург и жить в Ревеле до осени 1904 года. Был в числе лиц, отправившихся накануне 9-го января 1905 года к князю Святополк-Мирскому, и за это попал в Петропавловскую крепость. Анненский печатал статьи в журналах «Дело» («Новые течения в экономической науке» и пр.) и «Отечественная Записки» («Экспериментальное дело в области научных интересов» и др., разборы росписей, много заметок о новых книгах), в газете «Волжский Вестник», в сборник «Влияние урожая» (1897 г.) и в других изданиях. С 1894 года Анненский помешал статьи в «Русском Богатстве» и являлся деятельным членом редакции этого журнала. Обладая живую, отзывчивую натурой и выдающимся красноречием, Анненский оказывал большое влияние на многочисленные круги лиц, обращающихся к его содействию в области статистики и литературы. Очень много работал для литературного фонда, для союза писателей (1897—1901 год), для с.-петербургского литературного общества, председателем которого состоял, для волжского экономического общества, почетным членом которого он состоял, а также в трехеижских судах и судьи чести по литературным делам. В 1906 году, вместе с В. А. Микотиным, В. В. Пышеховым и др., основал партию народных социалистов. В «дни свободы» и во время выборов кампаней выступал с огромным успехом на митингах.

Таков краткий литературно-общественный послужный список почившего писателя. Уже из беглого обозрели его видно, сколько любопытных жизненных моментов широкого общественного значения он собою охватывает и сколько интересных страниц отечественной жизни сюда включено. Тут нет покоя, а наличие постоянного движения, смена острых моментов, с каждым из которых тесно связаны те или иные знаменательные страницы русской жизни и которая в сложной передаче фактов словаря слабо обнаруживают их внутренней смысл.

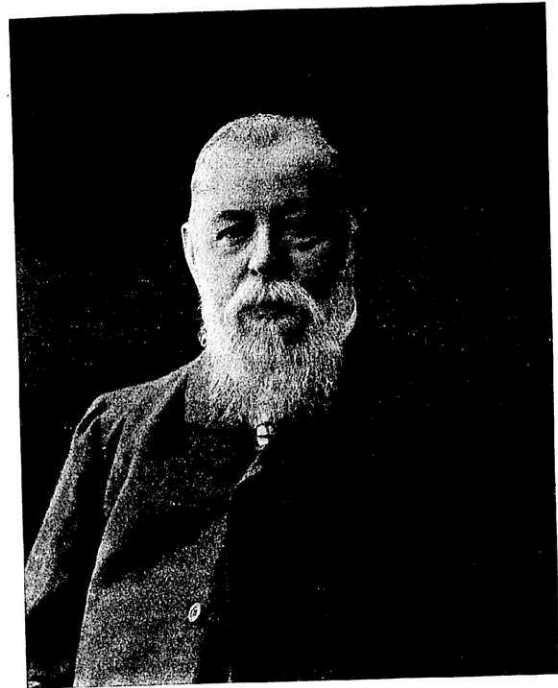
Вудки студентом в шестидесятых годах, Анненский прошел искусство тогдашней тревожной жизни; участвовал в протестах против введения матрикулов, ходил по Невскому со всею толпою к почитателю

Филиппону, был арестован и подвергся некоторым последствиям, вытекшим из тогдашних демонстраций. Затем был деятельным членом всяческих кружков самообразования с их несомненной политической окраской и вообще, повидимому, широкою грудью вдыхал в себя воздух, которым тогда дышала молодежь и который наполнял ее сердца протестом. Родственные узы связали его с известным революционером Ткачевым: он примкнул к учению последнего и таким образом на заре своей жизни уже примкнул к движению, явившемуся противомеом бакуинским теориям, и стал сторонником идеи о необходимости политического обновления России, без какого обновления не видял возможности пересоздания строя на началах социалистического учения.

Впоследствии в статье «Сорок лет назад», напечатанной в сборнике «На славном посту», посвященном Н. К. Михайловскому, Анненский, рисуя значение эпохи шестидесятих годов для современного тогдашнего поколения людей, так формулирует исповедание, отсюда почерпнутое. Он говорит: «Демократической мысли предстояло выдержать трудное испытание. Работа должна была пойти вглубь и разобраться во всей сложности новых отношений и новых форм жизни. С особенной жгучестью задача эта выступила вперед в период «семидесятих» годов. И до сих пор она не может еще считаться вполне исчерпанною. Затем наш ранний демократизм был несколько односторонен и в другом отношении. В нем слишком преобладал *экономический* элемент предъ всеми остальными. И в этом, несомненно, сказывалось воздействие условий и обстановки того исторического момента, когда складывались возрвния представителей этого демократизма. Слишком властно тогда захватывали внимание именно экономические интересы народа, и предъ ними блбднли все прочее. Поздвйший ход жизни показал нам очень ясно и очень больно, что в ранней формулировкв демократической программы было нечто недосказанное. Мы не можем уже относиться къ «формальной стороне общественных отношений с таким же равнодушием, как люди шестидесятих годов. Развитие демократической программы в этом направлении является одною из существенных задач настоящего».

Вдумываясь в смысл этих слов, сказанных по условиям времени «заповским языком», мы видим, что он именно, в противность многим своим современникам периода шестидесятих—семидесятих годов, становится на первоочередную сторону «политики», без наличия которой, как определенной формулы государственного бытия, не видял возможности осуществления прочих социально-экономических идеалов.

По окончании двух факультетов он обосновывается в Петербург, где сначала проходит службу в государственном контроле и затем в

Николай Федорович Анненский.

ведомств путей сообщения и специализируется по той отрасли работы, значение которой в виду недоблданности экономических реформ шестидесятих годов стало ясно сознаваться къ тому времени. На этой работв он прошел школу, из которой вынес своеобразные методы, помогшие ему несколько времени спустя стать в первые ряды русских земских и городских статистиков, стать авторитетом в этой области и немало поработать практически, в связи с общим теоретическим своим

миросозерцанием во имя блага широких сельских масс, обездоленных земельных надѣлами.

Состоя на государственной службѣ, Николай Федоровичъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ участіе и въ журналистикѣ, и притомъ той лѣвой ея части, которая, какъ «Отечественныя Записки», «Дѣло» и др., обслуживала оппозиціонныя тенденціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ участвуетъ и во всемъ движеніи семидесятихъ годовъ, именуемомъ «народническимъ», имѣвшемъ своихъ идеологовъ въ нашей литературѣ въ лицѣ Михайловскаго, Глѣба Успенскаго и др. Но участіе въ движеніи народолюбцевъ до наступленія «диктатуры сердца» не приносило ему особеннаго ущерба, и его поведеніе не привлекало къ себѣ косыхъ взглядовъ администраціи. Лишь съ наступленіемъ обильныхъ обысковъ и высылка наканунѣ 1-го марта 1881 года онъ сталъ жертвою этихъ высылка и былъ графомъ Лорисъ-Меликовымъ административно высланъ въ городъ Тару Тобольской губерніи. Въ этотъ періодъ своей жизни онъ познакомился и сошелся съ извѣстнымъ беллетристомъ В. Р. Короленкомъ, объ руку съ которымъ и протекла послѣдующая его общественная и политическая дѣятельность въ ея главнѣйшихъ моментахъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ періодѣ нашъ беллетристъ въ своихъ предварительныхъ воспоминаніяхъ о своемъ почившемъ другѣ на страницахъ «Виржевыхъ Вѣдомостей» (1912 г., № 13064):

«Познакомился я съ Анненскимъ въ Вышнемъ-Волочкѣ въ тюрьмѣ, когда насъ съ нимъ выслали въ Сибирь. Анненскаго отправляли въ городъ Тару, Тобольской губерніи.

«Вскорѣ оттуда онъ былъ возвращенъ въ Казань. Губернское земство пригласило его завѣдывать статистическимъ бюро. Анненскій усердно принялся за работу. Онъ былъ природный статистикъ. Работа пошла удачно, но вотъ губернаторъ потребовалъ отъ него подписку, чтобы онъ не входилъ въ сношенія съ политическими ссыльными. Анненскій отказался. Губернаторъ выслалъ его въ Свияжскъ, но и оттуда Н. Θ. продолжалъ руководить работами бюро. Въ Нижегородской губерніи Анненскому пришлось работать въ голодный годъ, и вотъ тутъ-то проявилась вся способность этого человѣка прилгать къ жизни свои богатые теоретическія познанія. Нижегородское статистическое отдѣленіе разслѣдовало всю голодную нужду, дѣлало закупки хлѣба и завѣдывало правильной раздачей прованта.

«Надъ Анненскимъ тогда смѣялись, говорили:

— Какія же закупки можетъ дѣлать статистикъ. Онъ способенъ только на теоретическія выкладки.

«Однако вскорѣ всѣ убѣдились, что значитъ, когда въ такомъ дѣлѣ принимаетъ участіе добрый человѣкъ и прекрасный работникъ. Объ этомъ я писалъ въ своей книгѣ «Въ голодный годъ». Только, конечно, я тамъ

не говорю объ Н. Θ., чтобы не заподозрѣли меня въ пристрастіи къ другу.

«Обаятельный это былъ человѣкъ. За какое бы дѣло онъ ни взялся, всюду онъ приносилъ съ собой свѣтъ и любовь. Кто разъ имѣлъ какое-либо дѣло съ Анненскимъ, никогда не могъ его позабыть».

Земская статистика была тою культурною стихіею, въ которой наиболѣе рельефно долженъ былъ обрисоваться и расширяться нравственный обликъ Анненскаго. Для уразумѣнія этого нужно дать себѣ отчетъ, какую роль земскіе статистики сыграли въ русской жизни пореформеннаго періода, въ періодъ политической реакціи восьмидесятихъ годовъ и въ періодъ преддверія къ «освободительнымъ» днямъ девятисотыхъ годовъ. Въ своихъ любопытныхъ статьяхъ по настоящему предмету, подъ заглавіемъ: «Иъ исторіи земскаго движенія въ Россіи», напечатанныхъ на страницахъ «Вылога» въ 1907 году и въ историческомъ сборникѣ «Наша Страна», земецъ П. П. Вѣлюковскій такъ обрисовываетъ дѣло. Онъ говоритъ: «Русская интеллигенція представляетъ въ своемъ родѣ исключительное явленіе въ мировой исторіи. Выдѣленная на первой фазѣ своего развитія, главнымъ образомъ, изъ среды землевладѣльческихъ и чиновныхъ классовъ, частью изъ купечества, духовенства и другихъ сословій, она, вырвавшаяся изъ семьи и попадая въ учебное заведеніе, не только терла вслужку связи со своею средою, но вступала съ нею въ борьбу, во имя демократическихъ идеаловъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Долгое время не встрѣчая поддержки въ населеніи, русская интеллигенція, дѣйствительно, была «безпочвенна», какъ ее характеризовали реакціонные элементы, но это не мѣшало ей мужественно и самоотверженно стремиться къ лучшему будущему, будить общество и при всякомъ удобномъ случаѣ отвоёвывать шагъ за шагомъ права человѣка и гражданина.

«Первое учрежденіе, которое дало приютъ этой разночинной интеллигенціи, а впоследствии, въ лицѣ выдающихся дѣятелей, вступило съ нею въ тѣсную связь—это было земствѣ. Наиболѣе оппозиціоннымъ и энергичнымъ элементомъ изъ земской интеллигенціи долгое время были земскіе статистики. Первыми статистиками были, въ сущности говоря, народники-пропагандисты. Основнымъ требованіемъ земской статистики было мѣстное подворное изслѣдованіе, т.-е. собраніе свѣдѣній непременно отъ самаго населенія, въ мѣстѣ его жительства, въ присущей ему обстановкѣ. Нужно ли говорить, что такое занятіе, дозволявшее имѣть непосредственную связь съ народомъ, легально изучать его нужды и, по мѣрѣ возможности, удовлетворять эти нужды самостоятельно или при посредствѣ земства, такое, повторяемъ, занятіе привлекало къ статистикѣ большой процентъ лучшей мыслящей интеллигенціи. При наступленіи реакціи въ какомъ-либо земствѣ она прежде всего отражалась, конечно, на статистикахъ,

на которых тогда же начиналось гонение. Тогда статистики переключивались в другие земства, где условия были имь благоприятны, а затем нередко обратно возвращались на место первого служения, когда реакция прекращалась. Словом, это был настолько приспособленный къ тяжелым условиям русской жизни элементъ «обстрѣлянный», самоотверженный и непритворный въ своихъ требованіяхъ, что съ нимъ трудно было бороться. Его гонили съ мѣста на мѣсто, но уничтожить не могли. Немало было земскихъ статистиковъ, которые не разъ исколесили земскую Россію, перебивали чуть не во всѣхъ земствахъ, хладнокровно относясь къ ударамъ судьбы, чувствовал себя какъ дома въ каждомъ земствѣ.

Помимо описанныхъ качествъ, громадный процентъ статистиковъ особенно въ первое время существованія земской статистики, обладали широкимъ образованіемъ, всестороннимъ развитіемъ и превосходнымъ знаніемъ земскаго дѣла и жизни населенія. Они являлись правую рукою земскихъ управъ, безъ которыхъ послѣднія просто иногда не могли обойтись. Въ виду этого лучшія земства, въ большинствѣ случаевъ, горю стояли за статистику и статистиковъ, мужественно защищая отъ администрации, которая не выносила земскую статистику, терпя ее какъ допущенное зло и пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы избавиться отъ него.

Съ развитіемъ земскаго дѣла увеличивается въ земствѣ и другой контингентъ интеллигенціи. Расширеніе медицины повлекло за собою увеличеніе числа врачей, заботы объ улучшеніи сельскаго хозяйства заставили привлечь агрономовъ и ветеринаровъ, наконецъ, развитіе школьнаго дѣла потребовало цѣлой арміи учителей и учительницъ. А такъ какъ земская служба не представляла ни особенныхъ матеріальныхъ выгодъ, ни, тѣмъ болѣе, привилегій въ смыслѣ карьеры, а, наоборотъ, губила эту карьеру, — такъ какъ власти болѣе чѣмъ подозрительно смотрѣли на земскую службу, — то на послѣднюю шли, въ большинствѣ случаевъ, лица, демократически настроенныя и проникнутыя искреннимъ стремленіемъ принести пользу населенію.

«Вся эта земская интеллигенція, этотъ «третій элементъ» постоянно сталкивался на попріцъ земскаго дѣла, вслѣдствіе чего мало-по-малу образовалась довольно тѣсная связь всѣхъ интеллигентныхъ земскихъ профессій. Кроме того, при посредствѣ земской интеллигенціи земство облизалось съ лучшими представителями науки и литературы. Земскіе агрономы, статистики, врачи пользовались большимъ вниманіемъ выдающихся профессоровъ, которые, симпатизируя земскому дѣлу, готовно оказывали велеческую помощь своимъ бывшимъ воспитанникамъ и нередко принимали горячее участіе въ ихъ работахъ. Въ этомъ отношеніи, — скажемъ здѣсь къ слову, — особенною, можно сказать, историческую, роль сыграли

«Русскія Вѣдомости», сослужившія великую незабвенную службу земскому дѣлу¹⁾.

«Такимъ образомъ, вокругъ земства сгруппировалась почти вся лучшая, наиболее энергичная, демократически настроенная интеллигенція которая, съ одной стороны, въ лицѣ, напримѣръ, сельскихъ учителей и врачей и такъ далѣе, связывала земство непосредственно съ народомъ, а съ другой — съ высшими интеллектуальными сферами, съ наукой и литературой, съ различными обществами, какъ, напримѣръ, московское юридическое или императорское вольное экономическое общество. Получилась громадная сила, прочная организация, если не связанная никакою программой, то проникнутая единымъ стремленіемъ — вывести народъ изъ тьмы невѣжества, бѣдности и произвола къ свѣту, свободѣ и матеріальному обезпеченію».

Когда читаешь эти строки, то какъ-то невольно начинаетъ казаться, будто именно фигура Анненскаго вырисовывается въ качествѣ представителя описываемаго «третьяго элемента» въ его борьбѣ съ мѣстной администраціей и въ стремленіи сохранить за земствомъ тѣ элементы политическаго начала, которые въ него были до известной степени вложены реформой мѣстнаго самоуправленія и откуда уже въ наши дни вяли главнымъ образомъ свое происхожденіе политическія партіи, заступающія въ государственной думѣ, прошедшія предвѣрительно политическій искусъ въ обширной организаціи, именуемой «союзомъ освобожденія». Анненскій былъ однимъ изъ видныхъ дѣятелей этого союза, участвовалъ въ немъ съ самаго его основанія и вмѣстѣ съ нимъ пережилъ всѣ эволюціи бытія «союза» до обнародованія манифеста 17-го октября 1905 года.

Работая въ провинціи на земской нивѣ разныхъ губерній, поддерживая связи со своими столичными единомышленниками, Николай Федоровичъ не былъ, однако, извѣстенъ широкимъ кругамъ русской интеллигенціи до начала девяностыхъ годовъ. Извѣстность его замыкалась до тѣхъ поръ въ предѣлахъ партійныхъ тѣвыхъ организацій или въ рамкахъ научно-общественныхъ работъ, знакомыхъ преимущественно специалистамъ. Для послѣднихъ его имя получаетъ крупное значеніе со времени его статистической работы въ Казанской и Нижегородской губерніяхъ, особенно въ послѣдней, и наши земскіе статистики, усматривая по всей справедливости у него новизну методовъ, где онъ удачно соединялъ такъ называемые методы московской и черниговской земской статистики, признали въ немъ главу но-

¹⁾ «Русскія Вѣдомости», можно сказать, по преимуществу земскій органъ, но въ общемъ и вся прогрессивная печать поддерживала земскую интеллигенцію. Нельзя, напримѣръ, не отмѣтить такихъ органовъ, какъ «Право», «Русское Богатство», «Вѣстникъ Европы», «Русская Мысль» и нѣкоторые другіе.

вой школы, въ послѣдователи которой они и зачислили себя, провозгласивъ, его главою этой школы. Въ вышеперечисленныхъ его работахъ, вошедшихъ въ книгу Грасса «Страхованіе поговьевъ», въ сборникъ «Вліяніе урожаевъ» и др., новая земско-статистическая школа нашла свое наглядное выраженіе. Но если извѣстность Анненскаго въ указанныхъ кругахъ специалистовъ уже упрочилась съ восьмидесятихъ годовъ, то болѣе громко его имя прозвучало въ первой половинѣ девятидесятихъ годовъ, во время московскаго съѣзда естествоиспытателей, въ значительной степени сумѣвшего объединить на своихъ секціонныхъ засѣданіяхъ тогдашніе прогрессивныя и оппозиціонныя общественныя элементы.

«1893 годъ принесъ новый законъ о земскихъ оцѣнкахъ,—говоритъ въ своей некрологической замѣткѣ объ Анненскомъ въ «Рѣчи» (№ 203 за 1912 г.) князь Д. И. Шаховскій, видный земецъ, представитель кадетской партіи и секретарь первой государственной думы.—Самодѣятельности земства въ этой области ставились рамки, работа грозила принять шаблонный, казенный характеръ. Анненскому принадлежить главная заслуга въ томъ, что дѣло осталось еще долго на настоящемъ пути и не изсякло одушевленіе работающихъ на немъ. Всѣ участники незабвеннаго съѣзда статистиковъ въ Москвѣ, составившаго подсецію съѣзда естествоиспытателей 1893 г., конечно, хранятъ въ благодарной памяти выступленія Анненскаго, его замѣчательный докладъ, давшій направленіе земской оцѣночной работѣ, поставившій дѣло на вполнѣ научную почву и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутый такой практической силой, что съ указаніями доклада пришлось считаться и министерству финансовъ въ дальнѣйшихъ его разъясненіяхъ. Не менѣе важно и то нравственное вліяніе, которымъ умѣлъ одушевить всѣхъ товарищей-статистиковъ Николай Федоровичъ. Обаяніе его было прямо удивительнымъ. При полнѣйшемъ уваженіи къ личности каждаго онъ умѣлъ высоко подымать ту среду, въ которой находился. И, наблюдая его на засѣданіяхъ съѣзда и въ дружеской товарищеской средѣ, становилось понятно то огромное вліяніе, которое онъ оказывалъ и на земскія собранія, и на управы, въ которыхъ ему приходилось работать безъ формальнаго права рѣшающаго голоса».

Вліяніе Анненскаго въ губернскихъ центрахъ было выдающееся. Около него и В. Г. Короленка сосредоточивались обычно всѣ мѣстные интеллигентныя силы прогрессивнаго направленія, и такимъ образомъ сообщество этихъ двухъ писателей являлось постоянно тѣмъ культурнымъ центромъ, откуда на окружающихъ распространялось безпрерывно воздѣйствіе передовыхъ идей шестидесятихъ годовъ. Объ этомъ обстоятельстве свидѣтельствуетъ и П. Н. Милуковъ въ своей статьѣ, посвященной Анненскому («Рѣчь», № 203 за 1912 г.), говоря:

«Въ Нижнемъ я и познакомился съ Анненскимъ ближе, прѣхавъ читать туда публичныя лекціи, съ которыхъ начались мои собственныя, типично-русскія Wanderjahre. Какъ сейчасъ помню: я закончилъ свой курсъ о русскіихъ общественныхъ движеніяхъ указаниѣмъ на тѣ провинціальныя резервуары и оазисы, куда отливаетъ культурная жизнь, когда понижается ея уровень въ периоды политической реакціи. И я предсказывалъ, что жизнь вновь прильетъ къ опустѣлымъ центрамъ изъ этихъ резервуаровъ съ началомъ политическаго оживленія. Одинъ такой оазисъ, вѣроятно, одинъ изъ самыхъ яркихъ, былъ передо мной,—и центромъ его, вмѣстѣ съ В. Г. Короленкомъ, былъ Н. О. Анненскій. Его видными членами были только что «разъясненные» мои товарищи по фракціи народной свободы... Кружокъ поддерживалъ своими усиліями еле мерцавшую тогда мѣстную прессу, и чѣмъ ночь была темнѣй, тѣмъ звѣзды блесгли ярче. Здѣсь созрѣвало политическое содержаніе будущаго русскаго «обновленія».

О томъ же свидѣтельствуютъ и А. Савельевъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1912 г., № 177).

«Благодаря своимъ обширнымъ познаніямъ и этимъ симпатичнымъ сторонамъ своего характера, Николай Федоровичъ имѣлъ большое вліяніе и въ земской средѣ и въ той сферѣ своихъ занятій, которая была для него господствующею,—свидѣтельствуетъ онъ.—Въ сферѣ статистико-экономическихъ изслѣдованій онъ пользовался огромнымъ авторитетомъ не только въ средѣ своихъ сослуживцевъ, но и далеко за предѣлами нашей губерніи. Я започу свое краткое сообщеніе объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ именно примѣромъ этого вліянія. Въ началѣ 900-хъ годовъ, когда его уже не было въ Нижнемъ, въ средѣ нижегородскихъ статистиковъ возникли разномыслія, частью даже принципиальнаго характера. Разногласія разрастались и грозили различными осложненіями и до извѣстной степени даже распадомъ самой организаціи. Тогда сочли за лучшее прибѣгнуть къ авторитету Николая Федоровича, прося его захватъ въ Нижній и помочь разобраться въ возникшихъ недоразумѣніяхъ. Достаточно было одной его бесѣды, чтобы все уладилось, всѣ спорные вопросы выяснились и весь инцидентъ былъ законченъ».

Въ 1895 году Анненскій послѣ долгаго вынужденнаго отсутствія появляется снова въ Петербургѣ, гдѣ къ тому времени Н. К. Михайловскій, стародавній другъ Николая Федоровича, успѣлъ уже поставить прочно при содѣйствіи А. И. Иванчина-Писарева и Н. Г. Гарина-Михайловскаго журналъ «Русское Богатство», приобретенный отъ Е. Гаршина и К. Станюковича. Анненскій и Короленко вступили въ ближайшій составъ редакціи этого журнала и въ значительной степени посодѣйствовали подбору новыхъ сотрудниковъ къ этому органу печати и приливу сюда литературнаго матеріала изъ провинціи.

Я хорошо помню это время, когда некоторые деятели литературы даже как будто были недовольны, что около Михайловского занимают позицию вышезванные представители провинциальной России. Новые «Минин и Пожарский» из Нижнего, — острелили они, и в ответ на эти остроты, раздававшиеся на даче в Лыском у издательницы «Мира Божьяго» Александры Аркадьевны Давыдовой, последняя, бывшая в курсе совершающегося, давала такое разъяснение:

— Анненский удивительный редактор и правщик статей. Если только он усмотрит в новом авторе искру таланта или нужную «направленность», он сумеет даже слабому неумелому произведению придать нужную форму и обработку. Кроме того, Николай Константинович в сущности постъ разрыва съ С. Н. Кривенком единокъ и самъ лично трудно идиеть навстрѣчу новымъ знакомствамъ и связямъ. Старое изъ «Отечественныхъ Записокъ» вымираетъ или выбываетъ изъ строя (например, Гл. Успенский), нуженъ приливъ новыхъ силъ. Вотъ тутъ-то Анненский, благодаря общительности своего характера, уквичивости и умѣнию ладить съ людьми, долженъ сыграть рѣшающую роль. Онъ свяжетъ «новыхъ людей» съ редакцей и редакторомъ «Русскаго Богатства».

Несомнѣнно, Анненский оправдалъ въ полной мѣрѣ эти надежды, и на протяжении послѣдующихъ лѣтъ мы встрѣчаемъ его постоянно видимымъ деятелемъ столичной общественности, рядомъ съ Н. К. Михайловскимъ, и яркимъ представителемъ той громко высказанной оппозиционной мысли, которая создавала известное настроеніе въ широкихъ кругахъ столичной интеллигенции, шедшее въ разрѣзъ съ волненіями тогдашней внутренней политики и подготавлившее то движеніе въ сторону освобожденія отъ полицейскаго бюрократическаго режима, начало конца которому положено манифестомъ 17-го октября 1906 года. Очерчивая роль Анненскаго за тотъ періодъ, П. Милоковъ въ цитированной уже выше статьѣ говоритъ:

«Въ 1899 году и слѣдующихъ лѣтъ мы наблюдаемъ дѣятельность Анненскаго въ Петербургѣ, въ «Русскомъ Богатствѣ», въ литературномъ фондѣ, въ тогдашнемъ союзѣ писателей, въ вольномъ экономическомъ обществѣ... Прослѣдовали годы инкубации русскаго «освобожденія». Для Анненскаго они сопровождались новыми житейскими неудобствами. Ссылка въ Финляндію, ссылка въ Ревель, избиеніе на Казанскій площади, жертвой котораго едѣлся сперва онъ, а потомъ и протестовавшій противъ избиенія союзъ писателей... Событія шли быстро въ тѣ годы. Анненский принялъ живѣйшее участіе въ организаціи и дѣятельности «союза освобожденія». При его дѣятельномъ участіи прошла кампанія знаменитыхъ банкетовъ декабря 1904 года, на которыхъ чеканились и популяризовались лозунги, сыгравшіе видную роль въ оба слѣдующіе года. Роль Анненскаго во всѣхъ этихъ событіяхъ была немаловажна. Никто другой не могъ такъ тактично сгладить углы, найти

общее среди книгвѣвшихъ противорѣчiami споровъ, дать этому общему удовлетворившее и мирившее всѣхъ выраженіе. Такую же роль игралъ онъ и въ возникшемъ вновь «союзѣ писателей», вошедшемъ въ извѣстный «союзъ союзовъ». Житейскій тактъ, сдержанность и умѣнье объединять и тутъ, какъ и на общественныхъ собраніяхъ, и въ ученоемъ обществѣ и въ редакціонныхъ дѣлахъ сказывались, преодолевая подчасъ препятствія, казавшіяся другимъ неодолимыми.

Особенно подчеркиваютъ все знавшіе Анненскаго и писавшіе о немъ постъ его смерти его дѣятельность въ «союзѣ освобожденія». Свидѣтельница тогдашнихъ политическихъ событій г-жа Е. Кускова говоритъ по настоящему вопросу въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 175 за 1912 г.).

«Я живо помню Н. О. почти беззмѣннымъ председателемъ такъ называемой «большой» группы «союза освобожденія». Социалистъ и народникъ по убѣжденію, Николай Федоровичъ отлично понималъ, что безъ реформы политической, — этой реформы всѣхъ реформъ, — не можетъ быть ни здороваго экономическаго воспитанія массъ, ни широкой и успѣшной борьбы за социалистические ихъ интересы. Понималъ онъ также и роль демократіи во всякомъ общественномъ движеніи: понималъ значеніе ея, какъ высвѣдшаго бродильнаго начала... Поэтому, вѣроятно, онъ безъ колебаній примкнулъ къ «союзу», на знамени котораго было написано: «Реформа политическая». Что Николай Федоровичъ разграничивалъ эти двѣ области, — движеніе социалистическое и движеніе общественно-политическое, — показываетъ его поведеніе, какъ члена группы и члена совѣта «союза», претендовавшего на руководство всѣмъ движеніемъ: онъ всегда былъ ярымъ противникомъ тѣхъ, кто предлагалъ союзу выработку точной экономической программы. «Господа, господа! — волнуясь и дѣлая свой характерный жестъ руками, кричалъ онъ. — Поймите же, что не можемъ мы, такіе разные, такіе съ разныхъ планетъ собравшіеся люди формулировать экономические пункты программы. Къ чему бы ни притрунулись мы, — къ вопросу аграрному, рабочему, — вѣдь это же будетъ первымъ шагомъ къ расколу: какъ можетъ либераль-землецъ согласиться съ социализмомъ? А между тѣмъ сейчасъ, въ этотъ моментъ, политическая задача у насъ одна... Совсѣмъ не дѣло «союза освобожденія», организаціи, именно на это временное единство задачъ и рассчитанной, заниматься безцѣльнымъ, но труднымъ составленіемъ экономическихъ деклараций. Наме дѣло — заставить общество сдвинуться съ мертвой точки, заявить открыто о своихъ нуждахъ, а постъ оно и само сумеетъ разслониться и защитить свои интересы». Какъ только кончилась миссія «союза освобожденія» и открылось поле для открытаго дѣйствія болѣе однородныхъ политическихъ единицъ — партій, — Н. О. примкнулъ къ партіи «народныхъ социалистовъ», тотчасъ же обнародовавшей и свою экономическую программу. Пока же «союзъ» былъ нуженъ, Н. О. поразительно ловко и тонко, съ приро-

жденным тактом настоящего политика, умѣлъ сглаживать разногласія и направлять самую разнородную силу по одной линіи. Эта способность его была особенно цѣнна въ эти годы борьбы; она парализовала другую склонность: страсть русскихъ интеллигентовъ къ раздвиганію такихъ разногласій, которыя не имѣютъ ни малѣйшей практической или идейной цѣны. Его участію и его авторитету «союзъ освобожденія» въ значительной мѣрѣ обязанъ тѣмъ, что самые разнородные элементы «союза», борясь идейно внутри его, всегда стройно выступали въ дѣйствиіе.

Точно также и князь Д. И. Шаховской въ уже цитированной замѣткѣ свидѣтельствуетъ:

«Черезъ десять лѣтъ пришлось столкнуться съ Анненскимъ въ работѣ по обдумыванію заграничнаго «Освобожденія», по созданію «союза освобожденія» и по работѣ въ немъ. Все время существованія «союза» Анненскій былъ членомъ его совѣта. Его громадиному авторитету въ писательской средѣ и въ средѣ третьяго земскаго элемента въ значительной мѣрѣ обязанъ «союзъ» своимъ значеніемъ. Разъ взявшись за это дѣло, Николай Федоровичъ основался къ нему съ удивительной добросовѣстностью. Только высалка изъ Петербурга лишила насъ его присутствія въ работахъ совѣта. А участіе въ засѣданіяхъ этого человѣка съ такимъ богатымъ жизненнымъ опытомъ, громаднымъ практическимъ умомъ и высокимъ нравственнымъ авторитетомъ вносило во всю дѣятельность нашу какую-то особенную спокойную увѣренность и силу. Удивительная скромность Николая Федоровича и стремленіе слушаться вездѣ, гдѣ дѣло не требовало выступленій, готовность его съ головою уйти въ невыгодную, но необходимую работу—всѣ эти особенности его характера для многихъ, можетъ быть, отодвинули его фигуру на задній планъ. Но всякій, кому приходилось ближе стлкаться съ нимъ на живой работѣ, знаетъ, какую первостепенной важности роль сыгралъ этотъ человѣкъ въ судьбахъ русской общественности за послѣднія двадцать лѣтъ».

1904—1905 годы были зенитомъ общественной дѣятельности Анненскаго, кульминаціоннымъ пунктомъ роста его имени, какъ представителя политической оппозиціи, гдѣ всѣ фракціи находили возможнымъ въ извѣстныхъ моментахъ объединяться около его личности и охотно избирали его председателемъ своихъ общихъ собраній и делегатамъ при посѣщеніи лицъ, стоявшихъ тогда у власти. Вспоминая о Николаѣ Федоровичѣ за тотъ періодъ, Д. Философовъ въ тепло написанной имъ статьѣ, напечатанной въ «Русскомъ Словѣ» (№ 176, 1912 г.), такъ обрисовываетъ его роль и позицію за тѣ годы:

«Расцвѣтъ его общественнаго вліянія въ широкихъ массахъ интеллигенціи совпадаетъ какъ разъ съ эпохой общихъ надеждъ и упований. Началась серія банкетовъ. Отлично помню большой банкетъ, приуроченный къ сорокалѣтнію судебныхъ уставовъ. Организовать эти банкеты «союзъ освобожденія», и Николай Федоровичъ, въ качествѣ одного изъ видныхъ членовъ

союза, игралъ на банкетѣ, вмѣстѣ съ В. Г. Короленкомъ, первенствующую роль. Народу было много. Нѣсколько сотъ человѣкъ. И Николай Федоровичъ очень вѣрно выражалъ общее настроеніе. Тогда мы всѣ были настроены радужно. Слышать свободное слово было необыкновенно отраднo. Партиійныя разногласія ступевывались, всѣ чувствовали свое единство, и Николай Федоровичъ Анненскій воплощалъ это единство.

«Затѣмъ наступили гапоновскіе дни. Николая Федоровича мнѣ пришлось видѣть уже въ болѣе трагичной обстановкѣ. Это было ночь на 9-е января. Съ субботы на памятное воскресенье. Въ редакціи «Сына Отечества» набилось до ста человѣкъ. Настроеніе было тревожное. Всѣ знали, что на завтра предстоитъ кровавое столкновеніе. Задача состояла въ томъ, чтобы это столкновеніе предотвратить. Трудная задача, невыполнимая. Слишкомъ хорошо знали собравшіеся настроеніе обѣихъ сторонъ, знали, что компромиссъ между ними невозможенъ. Вся ночь прошла въ переговорахъ со сторонами. Одни вѣдили къ Гапону, другіе—къ князю Святополькы-Мирскому. Въ числѣ депутатовъ, посланныхъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, былъ и Николай Федоровичъ. Помню, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ждали возвращенія депутаціи. Часъ былъ поздній. Чуть ли не полночь. Министръ могъ депутаціи не принять.

«И вотъ депутаты, наконецъ, вернулись. Арсеньевъ, Карѣевъ, Гессенъ, Набоковъ, Анненскій,—не помню, кто еще. Надо было видѣть волненіе добрышаго Николая Федоровича. Не знаю, спалъ ли кто въ эту ночь. Рано утромъ назначили свиданіе въ Тенишевскомъ училищѣ. Туда приносились печальная, ужасная вѣсти. Днемъ состоялся импровизированный митингъ въ публичной библиотекѣ. Николай Федоровичъ взобрался на столъ и, потрясая руками, говорилъ гнѣвную рѣчь. Слезы лились по его лицу. Было больно на него смотрѣть. Вечеромъ неутомимый старикъ говорилъ на грандіозномъ собраніи въ экономическомъ обществѣ, гдѣ остриженный и обритый Гапонъ извергалъ съ хоръ стариннаго зала свои хриплые проклятія, гдѣ Максимъ Горькій призывалъ къ борьбѣ».

«Послѣ январскихъ наступили октябрьскіе дни. Николай Федоровичъ былъ попрежнему неутомимъ. Но иногда въ его глазахъ пробѣгала уже какъ я-то растерянность, неуловимая печаль. Помню, въ дни господства совѣта рабочихъ депутатовъ собраніе союза писателей въ большомъ Тенишевскомъ залѣ. Темнота кромѣшная. Залъ освѣщался двумя свѣчами. Дѣло шло о томъ, чтобы вынести какую-то никому ненужную резолюцію. Николай Федоровичъ ее формулировалъ со своей привычною опытностью, и всѣ этой резолюціи сразу подчинились. Онъ сошелъ съ кафедры,—не помню, кто его уговорилъ,—и, какъ-то согнувшись, сѣлъ на скамью. «Да, движеніешло изъ нашихъ рукъ,—сказалъ онъ.—Нашъ долгъ, по крайней мѣрѣ, отъ него не отставать».

«Въ февраль 1906 года я уѣхалъ на три года за границу. Вернулся уже при третьей думѣ. Николай Федоровичъ сильно постарѣлъ. Сердечный недугъ мучилъ его. Но онъ остался тѣмъ же. Жизнь потекла съра. Начались партійныя дразги, ссоры въ литературномъ обществѣ. Часто было не разобратъ, партійныя ли это споры, или личныя ссоры. И каждый разъ являлся Николай Федоровичъ, лишь «примирительный слей»,—и враждующимъ становилось стыдно. Къ концу концовъ Николай Федоровичъ снялъ съ себя званіе председателя общества, которое вскорѣ было закрыто.

«Потомъ русское общество встрепенулось въ Толстовскіе дни. Въ квартирѣ М. М. Ковалевскаго состоялось собраніе всевозможныхъ интеллигентскихъ обществъ для обсужденія вопроса о томъ, какъ устроить торжественное засѣданіе въ память Толстого. Павоса ни у кого не было. Всѣ какъ-то не вѣрили въ успѣхъ начинанія. И опять выступилъ Николай Федоровичъ. Опять внесъ какое-то благообразіе въ вялые разговоры усталыхъ людей».

Я не стану вкравлывать въ эти воспоминанія нѣкоторыя свои личныя воспоминанія и впечатлѣнія отъ дѣятельности Анненскаго за тѣ же годы. И сказаннаго, кажется, довольно, чтобы дать себѣ ясный отчетъ объ его роли въ тогдашнихъ бурныхъ событіяхъ. Онъ горѣлъ тогда настоящимъ политическимъ огнемъ и то, что смутно грезилось старому шестидесятнику на зарѣ его молодой жизни, тогда до извѣстной степени переживалось и видѣлось имъ воочию. Въ этомъ отношеніи онъ оказался счастливѣе своего друга, Николая Константиновича Михайловскаго, котораго смерть похитила раньше, при самомъ лишь началѣ ломки стараго строя, на борьбу съ которымъ они оба положили столько силъ и стараній. Но если Анненскій тутъ оказался счастливѣе, зато принялъ активное личное участіе въ законодательныхъ функціяхъ возродившихся общественныхъ круговъ ему не было суждено. Н. П. Милоковъ по сему предмету свидѣтельствуетъ:

«Къ осени 1905 года, по мѣрѣ выясненія характера будущей государственной думы и будущаго избирательнаго закона, пути наши разошлись. Анненскій принадлежалъ къ той группѣ «освобожденцевъ», которая не захотѣла участвовать въ организаціи политической партіи. Кружокъ ближайшихъ друзей Анненскаго началъ энергичную проповѣдь бойкота. Мнѣ казалось, что Анненскій подчиняется этой проповѣди нехотя и съ сожалѣніемъ. Я, по крайней мѣрѣ, помню его первоначальныя колебанія. Вѣрный всему своему прошлому, вѣрный той разнородности «народничества», кака я представлялась «Русскимъ Богатствомъ», Анненскій все же призналъ необходимость созданія политическихъ партій и участвовалъ со своими друзьями въ организаціи кадровъ для будущей партіи «народныхъ социалистовъ». Но благоприятный моментъ для активнаго выступленія уже тѣмъ временемъ прошелъ. Богатыя дарованія и огромный политическій тактъ Анненскаго такъ и не нашли себѣ примѣненія въ той сферѣ народнаго представительства,

появленію которой на Руси онъ такъ много содѣйствовалъ всѣмъ дѣломъ своей жизни».

Дальнѣйшая дѣятельность Н. Θ. Анненскаго, въ связи съ общими событиями отечественной жизни, нѣсколько потускнѣла. Старому «политику» и практику жизни не нашлось мѣста на законодательныхъ верхахъ обновленнаго государственнаго строя. Партійная дисциплина, повидимому, тутъ сыграла выдающуюся роль и сохранила для него до конца его дней всего лишь почетную общественную позицію, на которой онъ, однако, продолжалъ свою дѣятельность въ роли представителя оппозиціи именно въ томъ направленіи, которое когда-то исповѣдывалъ и какъ соучастникъ народолюбческаго движенія, и которому прокламывалъ тропу, какъ участникъ «союза освобожденія». Я помню его слова въ одной изъ университетскихъ аудиторій въ дни митинговъ 1905 года. Онъ говорилъ: «Мы не обольщаемъ себя надеждою, что революція отпразднуетъ полную свою побѣду. Вѣроятно, она будетъ сломлена, и весь вопросъ въ томъ, гдѣ и когда она снова воскреснетъ». Съ этою вѣрою въ будущее воскресеніе этой «революціи» старый народолюбецъ и крайній «освобожденецъ» и отошелъ въ вѣчность.

Въ заключеніе настоящаго краткаго очерка о Н. Θ. Анненскомъ приведемъ двѣ его характеристики, какъ человѣка и какъ культурнаго дѣятеля. Одна сдѣлана Д. Философовымъ, другая Θ. Ватушковымъ, и обѣ, какъ мнѣ кажется, дѣйствительно рельефно его обрисовываютъ. Первый изъ названныхъ писателей въ цитированной уже выше статьѣ говоритъ:

«Рѣдко кому выпадаетъ на долю прожить такую чистую жизнь, освѣщенную какимъ-то постояннымъ и упорнымъ «благоволеніемъ».

«Когда враги интеллигенціи,—а ихъ много, очень много,—говорятъ объ интеллигентской узости, о нетерпимости и фанатизмѣ нашихъ общественныхъ дѣятелей, я всегда вспоминаю Николая Федоровича.

«Вотъ типъ человѣка терпимаго, умѣвшаго своимъ благоволеніемъ къ людямъ покрывать, во имя общей дѣли, партійныя разногласія. Всю жизнь свою этотъ мягкій человѣкъ былъ беспощаденъ къ врагамъ свободы. Но въ своемъ, интеллигентскомъ лагерѣ, который постоянно раздраемъ спорами о самыхъ отвлеченныхъ предметахъ, гдѣ теоретическія разногласія часто переходятъ въ личную вражду, Николай Федоровичъ былъ постояннымъ умиротворителемъ. Онъ стоялъ на такой моральной высотѣ, онъ относился съ такой любовью къ враждующимъ, что передъ нимъ умолкалъ голосъ страстей и самолюбія. Связанный идейными и личными отношеніями съ кружкомъ «Русскаго Богатства», по міросозерцанію своему типичный позитивистъ, Анненскій былъ по натурѣ своей шире «Русскаго Богатства», шире позитивизма. Душа его была полна того мизаго, честнаго, простодушнаго идеализма, которому тѣсно въ кружковщинѣ, въ «реальной» политикѣ. Всѣ, имѣвшіе хоть какое-нибудь сопркосновеніе съ Николаемъ Федоровичемъ, отличны это

знали. Поэтому рѣдко кто изъ общественныхъ дѣятелей пользовался такимъ моральнымъ авторитетомъ, какъ покойный. Это былъ прирожденный третейскій судья, мнѣнiе котораго становилось закономъ. И когда надо было объединить разношерстную интеллигенцію, когда надо было пробудить въ ней идею служенiя общему дѣлу,—на сцену выступалъ Анненскій. Его простая, задумчивая рѣчь, его искреннiй пафосъ подкупали всѣхъ. Теперь люди стали черствѣе. Послѣ разгрома упованiй и надеждъ стали угрюмы и какъ-то озлоблены.

«Николай Федоровичъ до конца дней своихъ сохранилъ то прекраснодушiе, ту хорошую сентиментальность, секретъ чего совершенно утерянъ людьми нашего поколѣнiя».

Профессоръ Ф. Д. Ватушковъ, немало поработавшiй съ Н. Ф. Анненскимъ въ разныхъ литературныхъ организацiяхъ и на общественномъ поприщѣ, такъ его обрисовываетъ («Запросы Жизни», 1912 г. № 31):

«Обладая изумительной памятью и чрезвычайной отчетливостью воспоминанiй, Николай Федоровичъ говорилъ о событiяхъ и лицахъ былыхъ временъ, иногда за сорокъ лѣтъ назадъ, какъ о вчерашнихъ происшествiяхъ, приводилъ на память цитаты и отдѣльныя словечки, сѣлова неоднократно, что вообще у русской интеллигенци «память коротка», и возстановлялъ или разрушалъ репутацiи ктосати приведеннымъ сообщенiемъ, умѣстнымъ или непоминанiемъ о дѣйствительно забытомъ или о неизвѣстномъ новомъ поколѣнiямъ. Къ нему обращались за справками и свѣдѣнiями по великимъ вопросамъ нашей общественной жизни, по крайней мѣрѣ за полвѣка, и Николай Федоровичъ никогда не оставался à courtъ, съ удивительной легкостью возстановля въ памяти даже мелкiя черты прошлаго. Его широко знали въ провинции, и масса прiѣзжихъ мѣстныхъ дѣятелей или сотрудниковъ провинциальной прессы обращались къ нему, увѣренные въ неизмѣнномъ радушии и готовности помочь, чѣмъ можно. Доброта его, часто при весьма нелегкихъ личныхъ обстоятельствевахъ, могла выдержать любое испытанiе и, вообще, черта, которою Николай Федоровичъ особо выдѣлялся, это—способность сильно чувствовать, проникаться всецѣло чувствомъ, что придавало особую красоту его облику.

«Это—свойство натуры человѣка, и проявлялось оно въ разной формѣ, неизмѣнно отъняая его благородныя черты. Чувство дѣлало его постояннымъ ходатаемъ и за «малыхъ сихъ» при разборѣ прошени въ литературномъ фондѣ, причѣмъ Николай Федоровичъ отстаивалъ принципъ дробныхъ выдачъ, въ виду происшедшей демократизацiи дѣятелей литературы. Чувство побудило его вмѣшаться въ исторiю избенiя студентовъ на Казанской площади, за что онъ и самъ оказался избитымъ. Чувство внушило ему идею организовать особую депутацiю къ министру внутреннихъ дѣлъ наканунѣ ожидаемаго выступленiя рабочихъ, подъ предводительствомъ Гапона, въ надеждѣ предот-

вратить кровопролитiе; но миссиа не удалась, и въ искреннихъ ходатаяхъ съ цѣлью предупредить несчастье заподозрѣли представителей небывалаго «временнаго правительства». Чувство увлекло лучшiя рѣчи Николая Федоровича на разныхъ собранiяхъ, ибо его краснорѣчiе не отличалось формальными качествами; его рѣчь не была плавной, онъ часто искалъ словъ, не договаривалъ фразъ, слишкомъ жестинкуировалъ, не задавался цѣлостной конструкцiей рѣчей, которыя обыкновенно носили характеръ импровизацiй, но подкупали и заражали подъемомъ настроенiя, пафосомъ, горячностью и искренностью одушевленiя. Чувство увлекало его иногда и къ рѣзкому отпору, когда онъ заподозрѣвалъ искренность дѣлаемыхъ ему возраженiй, но чувство же приводило его и ко примиренiю, когда недоразумѣнiе разъяснялось и «партильныя разногласiя» входили въ обычное русло принципиальной полемики. Ибо Николай Федоровичъ, сглаживая остроту отношенiй присутимъ ему доброжелательствомъ ко всѣмъ честно, хотя бы и инако мыслящимъ, чѣмъ та группа русской интеллигенци, къ которой онъ принадлежалъ, отнюдь не доводилъ благодушiя до безразличiя и самъ занималъ вполнѣ опредѣленную позицiю по завѣтамъ «народниковъ», къ которымъ онъ въ свое время принадлежалъ. Но выше партийныхъ разногласiй онъ ставилъ общность въ стремленiи къ одному идеалу. Полемику онъ признавалъ и даже радовался возможности устраивать какъ бы своего рода диспуты между представителями разныхъ фракцiй прогрессивныхъ круговъ нашей литературы; онъ умѣлъ симпатизировать духу даже при расхожденiи въ формѣ и формулахъ. Этимъ опредѣляется его «междупартийность», допускавшая принадлежность къ определенной парти. Вся его дѣятельность была согрѣта и какъ бы санкционирована гуманизмомъ чувства, сообщавшаго главное обаянiе его личности. И оттого такъ тяжела его утрата и такая большая пустота образуется послѣ его ухода отъ насъ. И нѣтъ ему преемника, ибо отходить все поколѣнiе, получившее свое общественное крещенiе въ святуу эпоху шестидесятыхъ годовъ, однимъ изъ послѣднихъ представителей которой былъ Николай Федоровичъ Анненскій. Самъ онъ почилъ на 70-мъ году жизни, —«почилъ» въ буквальномъ смыслѣ, какъ, по легендамъ, умираютъ «безобѣзненно и мирно» праведники, люди съ чистой совѣстью и безупречной честью, каковыми былъ и Николай Федоровичъ: онъ уснулъ съ вечера, весело и бодро, разставшись съ членами своей семьи, съ лучшимъ своимъ другомъ и сотоварищемъ по дѣятельности, Владимиромъ Галактионовичемъ Короленкомъ, уснулъ—и уже больше не проснулся передъ переходомъ въ вѣчность».

Несмотря на глухое лѣтнее время, неблагоприятное для показной стороны литературныхъ похоронъ, послѣднiя протекли при торжественной обстановкѣ согласно даннымъ репортажа «Русскихъ Вѣдомостей» и «Виржевыхъ Вѣдомостей». На вокзалѣ встрѣтить прибывшiй изъ Финляндiи гробъ съ прахомъ почившаго собрались представители литературы, журналистики, об-

щественных организаций, В. Г. Короленко, С. А. Венгеровъ, П. Н. Миллюковъ, В. Д. Набоковъ, Г. А. Фальборкъ, В. И. Семевскій, О. И. Родичевъ, В. В. Водовозовъ, Н. В. Чайковскій, И. Н. Потапенко, Н. С. Русановъ, князь Шаховской, Л. Ф. Пантелъевъ, О. Д. Ватушковъ, О. Воропоновъ, Зарудный, Шнитниковъ, Рихтеръ. Тысячная толпа провожала печальный кортежъ до Волкова кладбища. Возложены вѣнки отъ вольнаго экономического общества—«своему незабвенному почетному члену», отъ «Русскаго Богатства»—«дорогому, незабвенному Николаю Федоровичу», отъ «Русскихъ Вѣдомостей»—«борцу за правду и право», отъ «Запросовъ Жизни»—«хранителю лучшихъ завѣтовъ русской литературы», отъ журналовъ «Городское Дѣло» и «Земское Дѣло»—«поборнику народнаго самоуправления», отъ группы статистиковъ городской управы и много другихъ. Послѣ отпѣванія состоялось погребеніе на Волковомъ кладбищѣ. Могила Анненскаго находится между могилами Якубовича-Мельшина, Южакова и Скабичевского. Говорили Короленко, Семевскій, Фальборкъ, Набоковъ, Русановъ и другіе.

«Мы похоронили Николая Федоровича,—сказалъ Короленко.—Кто-нибудь другой разкажетъ вамъ, вѣроятно, какой онъ былъ писатель и общественный дѣятель, я же хочу сказать только о томъ, какой онъ былъ человекъ. Византійцы изображали около головы святыхъ свѣтлые кружки, какъ символъ святости. Когда я вспоминаю Николая Федоровича у этой могилы, я чувствую, что онъ былъ свѣтящійся человекъ; во всей его дѣятельности ощущалось присутствіе свѣта, нѣчто нравственное и обаятельное; его величіе было какое-то особенное, оно шло изнутри, согрѣтое особымъ свѣтомъ. Сердце устало отъ кипучей работы. Это его утомляло, но это же было его жизнью. Большое счастье умереть за работой. Николай Федоровичъ не зналъ агоніи старости, онъ ушелъ, оставивъ у насъ воспоминаніе свѣтлаго чуднаго дня, который мы провели съ нимъ наканунѣ его смерти. Утромъ мы застали его навѣки уснувшимъ. Николай Федоровичъ говорилъ всегда ярко, онъ любилъ стихи и часто приводилъ двустипхи: «Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ». Онъ оставилъ свѣтлую память и глубокую благодарность за то великое, что онъ творилъ въ жизни. Съ тоской о томъ, что его нѣтъ, чувствуешь и облегченіе при мысли, что въ жизни бываютъ такіе свѣтлые люди». Набоковъ говорилъ отъ имени литературнаго фонда. Онъ сказалъ, что Николай Федоровичъ Анненскій всегда стоялъ на стражѣ чести и достоинства русской литературы. Фальборкъ сказалъ: «Пока русская земля родитъ такихъ людей, мы можемъ надѣяться на свѣтлое будущее». Семевскій охарактеризовалъ покойнаго, какъ выдающагося общественного дѣятеля.

Телеграммы съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю кончины Николая Федоровича долго и послѣ похоронъ продолжали поступать въ редакцію «Русскаго Богатства», свидѣтельствуя о популярности почившаго общественного дѣятеля среди широкихъ круговъ русской интеллигенціи.